

Поэзия и стихи не одно и то же. Стихи — это форма, а поэзия — содержание. Поэзия — высшая степень совершенства литературной речи, и необязательно связанной с рифмой. В этих дебрях страшных легко заблудиться, но без хотя бы поверхностного разделения мы не можем перейти к сути разговора.

Писатель Михаил Тарковский так сказал о поэтическом творчестве: «Вообще, писание стихов и прозы действительно очень родственно охоте. И со словом, и с пушницей то же: добываешь, вычищаешь, как соболя, обезжириваешь, напяливаешь, отминаешь, выворачиваешь, вычёсываешь смоляные закаты. И тоже волнуешься. Перед сдачей». Точно сказано о технологии рождения стихов, но не о её сути. А в чём всё-таки ядро поэзии?

Когда размышляешь о судьбах поэтов, об их творчестве, о зигзагах жизни, невольно обращаешь внимание на сопутствующую трагичность. Как будто Господь метит своим перстом, указывая на их горестную избранность: Пушкин, Лермонтов, Гумилёв, Есенин, Павел Васильев, Рубцов, Прасолов, Высоцкий, Тальков. Чем больше масштаб дарования, тем выше и страшнее расплата. За что?..

«Поэт не может быть счастливым В тревожные для мира дни», — написал Василий Фёдоров. «Я поэт, счастливой доли Быть не может у меня», — вторит ему Николай Зиновьев. Поэты разных поколений перекликаются, как птицы в солнечном лесу. Зиновьев может не знать стихов Василия Фёдорова, но созвучен ему, потому что говорят они о Судьбе поэта, которая загадочным образом, как правило, беспощадна. Трагизм душевного и духовного мира — основа поэзии, а слова только наполнение, способ выражения. Иногда маска.

Научиться писать стихи может каждый. Для этого необходимо немного: элементарная грамотность, знание русской поэзии в объёме средней школы и желание, желание играет ключевую роль. Знать поэзию необходимо, чтобы иметь представление, а что же это такое — *поэзия*, впрочем, это необязательно, потому что мало кто знает, что это такое, а что такое стихи, знает каждый: песни, написанные стихами, звучат вокруг нас и днём и ночью. И только тот *поэт*, кому чудесным образом удаётся запечатлеть не только красоту слога, но и возвышенную душу, народный характер — не декларативно и декоративно, но живо, отображая его и раскрываясь своей сердцевиной.

Мы живём в горестные для русских людей годы. За скобки жизни, по сути, на кладбище вынесена и погребена русская песня, русская музыка, русская душа, которая в них заключена. Строй русской жизни выдворен за рамки массовой информации, и новые поколения лишены общения с родными напевами, этот цивилизационный геноцид может привести к полной потере нашего культурного своеобразия. Современная русская поэзия — единственный остров в чужеродном окружении, единственное прибежище для уходящей на дно русской Атлантиды.

Поэзия должна быть объявлена национальным достоянием, в школах должен

быть выделен предмет «Русская Поэзия» отдельным курсом, если мы действительно хотим сохранить народную душу, в наибольшей степени запечатлённую в вершинных достижениях.

Дмитрий Лихачев назвал русскую поэзию самой великой поэзией в мире, заметьте, *самой*, а не в ряду иных. Так сказать мог только человек, понимающий, доподлинно знающий то, с чем он сравнивает. А он знал, он был знатоком европейской культуры, читал европейскую поэзию в подлинниках. Изучение «Слова о полку Игореве» и пристальный взгляд в начало русской поэзии формировали вкус и чувство русского слова.

Александр Кобелев заявил о себе в зрелые годы. Он сам для себя определил этот срок или так распорядилась судьба — не имеет значения. Почти одновременно вышли две книги стихов: «Дорога на Балтай» («Оттиск», 2012) и «Вещий камень» (Издательский центр «Сибирь», 2012).

Автор подвёл некий творческий итог. Книги были живо встречены читающей публикой, литераторами, он был принят в Союз писателей России.

Пишет он не много. Это знак серьёзного отношения к творчеству, и не количество определяет в итоге значимость произведений. Есть авторы, издающие многотомники, но не имеющие профессионального одобрения. Провинциальные поэтические ручейки и речушки питают великую реку. Русская поэзия по происхождению своему деревенская, как, впрочем, и проза, — по врождённой близости к живой природе, к пейзажу, к земле, из которой мы вышли. Городов, в современном значении, когда зарождалась наша литература, не было, поэтому приписывать какую-то особую роль крестьянскому миру — лукавство или непонимание: весь мир был крестьянским, то есть христианским. Все выдающиеся имена несут в творчестве светоносную силу русского изначального слова.

Когда я смотрю на географическую карту нашей области, то почти каждый малый город или село отзываются поэтическими именами ушедших и живущих поэтов. Каждый из них пусть и малый, но центр притяжения. Все они в своих городах, и посёлках, и сёлах делают работу по сохранению человеческого в человеке. Подчас не важно, что каждый написал, насколько высоко поднялся по поэтической лестнице, но они поддерживают интерес к поэзии, являясь хранителями несметных сокровищ русской письменной культуры.

Я не устану повторять, что подобным сообществам необходимы государственное внимание и опека, потому что это нужно обществу нашему и государству.

Александр Кобелев живописует в графике и в красках, раскованность его стихов изумляет, при этом он не впадает в обыденность. Лёгкость его — в народных истоках: в частушке, в песне, в пословице:

*Разрезает небосвод
Чёткий след от самолёта,
Будто белым мелом кто-то
Прочертил его полёт.*

* * *

*Будет всё как изначальное —
Флаг увижу в вышине:
Синий крест диагонально
Лёг на белом полотне.*

Кобелев чутко реагирует на происходящее в жизни, он живёт в народе, но не в том смысле, что знает народную жизнь, — он не может не знать, он сам часть народа, и не худшая его часть. Его публицистичность мягка, не обидна для человека села и всякого думающего человека, но, может быть, обидна для чиновника, равнодушного к жизни селян. Она точно реагирует и отмечает нестроение в жизни, несправедливость: совесть есть стержень народной жизни. Поэта-пьяницу народ осудит и простит, а краснобая-руководителя будет приветствовать только на гулянке.

Лёгкость слога, свободное дыхание речи и при этом — почти полное отсутствие бытовой привычности. Он растворяется в словах, и через них концентрируется присутствие его неповторимой души в этом мире, её самость и открытость ощущается в каждой строфе, разговорная интонация становится актом искусства. От стихов веет не сочинительством, а естественностью: так живёт он и народ, в котором он живёт.

Он сознательно отказывается от всех формальных достижений прошлого, и поёт как Бог на душу положит. Время присутствует в его стихах, присутствует событийно, а не назывно, в них присутствует и говорит от себя сибирская глубинка начала XXI века. В какой-то степени в его стихах видна реальная действительность современной деревни в её культурно и бескультурно образованном сообществе. И сам автор узнаваем в стихах и прозе, наполняя чуткой душой своей бывшие до него мёртвыми слова и буквы. Поэзия — живая вода русской речи, и кому как не поэтам заботиться о её сохранности, заповедности и незамутнённости.

Не на пустыре построил свою поэтическую избушку Александр Кобелев: узнаются строки, взятые взаймы у других поэтов, живших до него. Он делает это сознательно. Это естественно, как и в русской классике — перекрёстное заимствование литературных образов и сюжетов.

*Эй, лети с дороги, птица,
Уводи с пути зверей!
Видишь, вихрь какой-то мчится,
Как в коллайдере частица,
Даже чуточку быстрей.*

* * *

*И крестьянин, торжествуя,
обновляет путь
(на узике буксуя
в поле где-нибудь).*

О Великой Отечественной войне написано немало прекрасных стихотворений и поэм. Много и дежурных, холодных, и пустых, не оплодотворённых ни талантом, ни духом. И о войне, свидетелем которой он не был, Александр Кобелев сказал простые, душевные и трогательные строки:

*Мячик свечкой ушёл в высоту,
и бегут, догоняют друг друга
ребятишки, играя в лапту
в шумном сквере за Домом досуга.*

*Рядом — мрамор пригрела весна,
тополя, как в поклоне, согнулись.
Этот мрамор хранит имена
тех солдат, что с войны не вернулись,*

*полегли, но я вижу порой,
как они все стоят у ограды
и любят детскую игру,
и весеннему солнышку рады.*

Александр Кобелев чувствителен к бурятской культуре, знакомство с героическим эпосом отразилось в его творчестве не буквой, но духом. Как удаётся ему проникнуться самой особенностью соседнего народа, для меня загадка. Впрочем, поэзия всегда загадка. В современной иркутской поэзии нет другого автора, переводчика или поэта, умеющего воплотить самую особенность души другого народа, это не может быть выработано длительными упражнениями, это даётся изначально, как любовь, как дар многогранного слова.

*Посреди степи, где седой курган,
Жил да был Саргал — тугешинский хан.
Хоть не молод был, но силён и смел,
Молодых троих сыновей имел.
Старший сын его был Алтан Шагай,
Средний сын его был Мунгэн Шагай.*

*Младший сын Нюргай был в ту пору мал,
И отец его соплячком прозвал.
Тот Нюргай ещё продолжал расти,
Как отец послал их телят пасти.
Братья выгнали и пасут телят,
Было тех телят ровно семьдесят.*

*Братья бегают и не ведают,
Чем сегодня днём пообедают.
Вот уж есть пора, и сказал Нюргай:
«Брат Алтан Шагай, брат Мунгэн Шагай,
Здесь у нас телят очень много есть,
Вот бы нам троём одного бы съесть».*

*Братья старшие не решаются,
Ведь родители заругаются.
Взялся их Нюргай успокаивать,
Уговаривать и настаивать:
«Мы съедим телка, а потом троём
Шкуру травами посильней набьём».*

(«Три брата»)

Не могу не отметить мягкую, особую иронию — характерную черту, выделяющую его из ряда иркутских сочинителей. Его голос узнаваем, в нём угадывается сходство с Ростиславом Филипповым: их ирония родственна, она беспокойна, незлобива и многозначна.

*Конь красив и статен.
Это, кстати, знал
Тот, кто много статуй
В бронзе отливал.*

*Деятель и воин,
Облачённый в медь,
Каждый ли достоин
На коне сидеть?*

*Может, переплавить,
Если портит вид?
А коня оставить,
Конь пускай стоит.*

В книге «Ставенки резные» три раздела: поэтический, прозаический, и особняком обозначена повесть «Розовая чайка», написанная по мотивам бурятских легенд.

Лирические стихи выделены в главный и особый раздел, автор книги в первую голову поэт, умеющий свободно мыслить, выделяющийся особым поэтическим тембром голоса. Сегодня расплодилось множество сочинителей, перерабатывающих разнообразную современную информацию, подобно мясорубке, и легко усвояемый фарш доставляющих к столу невзыскательного читателя. Нашего поэта обошли формальные веяния века: лесенки и горки, механические формы, головные образы, жаргонные обороты, разъедающие традицию. Кобелевское следование традиции творческое, и это делает его стихи глубже.

«Ставенки резные», названные автором *рассказом в стихах*, написаны размером финского эпоса «Калевала», но разве думаешь об этом, когда читаешь из русских стихов и образов составленную, я бы сказал, *лирическую поэму*. Вот вам и всемирная отзывчивость русского человека, его способность чужое воспринять как своё и сделать своим!

«Подошла к концу работа. Собирают в кучу стружки и обрезки от стропил. Кто-то песню напевает, закурил махорку кто-то. К окнам ставенки резные старый мастер прикрепил. Отошёл, полнобовался: да, красивые узоры, сам придумал те узоры, сам узоры вырезал. Пусть теперь украсят окна, пусть притягивают взоры, как хозяйка попросила, как хозяин заказал.

А хозяйская девчонка рядом с мастером вертелась, с восхищением смотрела на окошки, стены, дверь. Всем проходим и проезжим ей похвастаться хотелось, что в таком красивом доме будет жить она теперь.

— Глянь на ставни, непоседа, их потом покрасить нужно. Белый голубь сел на ставню. Эти голуби к добру. Так что с Богом заселяйтесь и живите дружно-дружно... Положи топор на место, а то уши надеру!

Отскочила, засмеялась, убежала непоседа. Знала: мастер очень добрый, хоть и строгое лицо. А потом пронаблюдала из-за дворика соседа, как, замкнув их домик, мастер положил ключ под крыльцо. Тем ключом открыла двери. В доме тихо, жутковато. Планы строит: здесь, возможно, будет новая стена, здесь сундук, там столик будет, а вон там — её кровать. Нет, кровать пусть поставят возле этого окна. В эту щель, за подоконник, спрячет все свои копейки, тут шкатулочку поставит, тут — коробочку для лент». («Ставенки резные»)

Как-то в разговоре Александр Кобелев сказал: «Свои стихи я вначале публикую в районной газете «Свет Октября». Земляки мои иногда путают меня с моими героями, когда я пишу от первого лица. Стихов о любви у меня не больше пяти, иногда спрашивают: «А кто это твоя чернобровая? А кто такая Людмила?» Многие считают, что я пишу на бурятскую тему, потому что знаю бурятский язык. К сожалению, не знаю, кроме нескольких фраз и слов. Один из моих знакомых как-то спросил: «Прочитал — глазам своим не поверил. Ты что, на самом деле сильно пьёшь? А вроде бы никогда тебя пьяным не видел». О пьяницах я пишу, потому что им очень сочувствую — каждый имеет право на счастье, и жаль, что это чувство они получают только в пьяном состоянии. Снимаю шляпу перед теми, кто смог пересилить себя и «завязать». Для меня главное в жизни — земляки хорошо относятся к моему сочинительству, за что я им благодарен. Добрые слова окрыляют. В творчестве главное найти нужную тему, а зарифмовать я могу любой текст».

Этим он упраздняет «муки творчества», о которых любят, повторяя друг друга, писать несостоятельные сочинители.

Для Александра Кобелева поэзия — занятие лёгкое, вдохновенное и радостное, потому я уверен, что и в читательской душе она отзовется светло и сочувственно.